

Walentyna Masłowa

Функционирование европейских языков в эпоху глобализации : межкультурная коммуникация

Acta Polono-Ruthenica 13, 447-456

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Walentyna Masłowa
Witebsk

Функционирование европейских языков в эпоху глобализации: межкультурная коммуникация

Процессы глобализации формируют систему взаимодействия и развития европейских языков в современном мире. Языковая ситуация сейчас в Европе такова: на немецком языке говорят не только в немецкоязычных странах, но и соседних регионах (Восточной Бельгии, Северном Шлезвиге). Кроме того, немецкий язык играет значительную роль в Восточной Европе, Финляндии, Нидерландах, Хорватии. По данным 2005 года 90 миллионов жителей Европы назвали немецкий язык родным и еще 50 млн. знают немецкий язык как иностранный. Среди 11 языков Евросоюза следующие языки являются родными (в процентах к общему населению стран ЕС): немецкий – 24%, английский – 20%, французский и итальянский – по 16%, испанский – 11%, нидерландский – 6%, греческий и португальский – по 3%, шведский – 2%, датский и финский – по 1%.

В мире ситуация иная – английский язык сегодня считают родным около 400 мл. человек, живущих в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и др. странах. Кроме того, приблизительно 1,5 миллиарда пользуются английским языком в качестве второго и третьего языка. По данным голландского исследователя А. де Шваана, английский язык занимает в мире гиперцентральное место. Именно английский язык обладает наибольшей коммуникативной ценностью: он стал безраздельно господствовать в сфере науки, бизнеса, в управлении воздушным движением, доминирует в Интернете и т.д. Организаторы многих международных конференций отказались от услуг синхронных переводчиков. И хотя по числу носителей языка в мире лидирует китайский, его использование в сфере международного общения почти равно нулю.

Еще любопытные цифры: в Европе (на континенте, а не в ЕС) 680 млн. человек, из них 300 миллионов говорит на славянских языках, а из этих 300–150 говорит по-русски.

На рубеже веков самым приоритетным направлением в коммуникативной лингвистике становится межкультурная коммуникация,

изучающая диалог культур. Актуальность данного направления выявилась после Второй мировой войны, когда нужно было налаживать быструю и эффективную коммуникацию со странами-союзниками и с иммигрантами, мощным потоком ринувшими в США. Данная страна представляла собой в послевоенный период уникальный поликультурный полигон. Этим объясняется факт возникновения межкультурной коммуникации как самостоятельной исследовательской дисциплины именно в рамках американской антропологической традиции. Зарождение дисциплины связывают с работами Э. Холла, Р. Брислина, Дж. Берри, Д. Лансиса, У. Лоннера, С. Тинг-Туми и др. Сам термин „межкультурная коммуникация” появился в 70-е годы XX века в американской лингвистике. Это такая коммуникация, успех или неуспех которой определяется культурными различиями коммуникантов. В ней используются достижения многих наук – лингвистической антропологии (лингвокультурологии), социологии, когнитивной лингвистики, теории коммуникации, социальной психологии, этнолингвистики и др. До сих пор американская кросс-культурная школа является основным разработчиком межкультурного направления в социогуманитарных науках.

В России начало активных исследований по межкультурной коммуникации можно датировать концом 70-х годов прошлого века¹. Психолингвисты Института языкознания РАН выпустили сборник *Национально-культурная специфика речевого поведения* (1977), который и явился первой работой по межкультурной коммуникации.

С 1996 г. в вузах России появилась специальность „лингвистика и межкультурная коммуникация”, центром разработки данных проблем становится факультет иностранных языков МГУ. Его сотрудниками установлены области компетенции новой научной дисциплины, в журнале „Вестник МГУ” появилась серия „Лингвистика и межкультурная коммуникация” (сер. 19), где предлагаются различные авторские концепции исследования данной проблемы. Появился ряд интересных работ в этом направлении².

Сейчас факультеты и кафедры межкультурной коммуникации есть во многих городах России и Белоруссии, например, в Минском лингвистическом университете, Санкт-Петербурге, Твери, Пятигорске и др.

¹ И.В. Привалова, *Разнообразие подходов в развитии теоретических основ межкультурного общения*, „Вестник МГУ”, сер. 19, 2004, № 3, с. 89.

² С.Г. Тер-Минасова, *Слово и национальный характер*, [в:] *Слово и текст в диалоге культур*, Москва 2000; Д.Б. Гудков, *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2003 и др.

Дело в том, что две национальные культуры (например, культура родная и культура изучаемого языка) никогда не совпадают полностью, т.е. в них есть и универсальное для большинства народов и национальное. Чего больше? Разумеется, универсального. Причем, совокупность совпадающих и различных единиц для каждой пары изучаемых языков будет различной.

Поэтому встает проблема изучения языка в диалоге культур, в контексте культуры, в лингвокультурологическом аспекте. При этом необходимо ответить на вопрос: что первично в оппозиции язык – культура. Здесь встает и чисто методическая проблема: как следует строить модель обучения языку: „язык – цель, культура – средство” или „культура – цель, язык – средство”. У нас есть сторонники и той и другой модели. Мы разделяем вторую точку зрения, но видим за феноменом культуры колоссальный мотивационный и содержательный потенциал. Мы считаем необходимым исследовать концептуализацию понятий „межкультурная коммуникация” через исходные понятия культуры и коммуникации и их корреляцию. Существует много теорий овладения культурой изучаемого языка: модель аккультурации (Дж. Шуманн), концепция вторичной языковой личности (И.И. Халеева), гипотеза эффективного фильтра (S. Krashen), лингвострановедение, линвокультурология. Мы сторонники лингвокультурологии, которая выросла из лингвострановедения; она изучает совокупность культурных ценностей в их языковом отображении. Культурно-национальное скрывается в своеобразной пропозиции, создаваемой как раз эквивалентной лексикой (в лингвострановедении акцент делался на безэквивалентную лексику), но со специфическим проявлением комбинаторных свойств ее единиц. Например, *бескультурье* для русского человека – это культурная отсталость, а эпитетом *бескультурный, некультурный* награждается недостаточно культурный человек, который при этом может быть добрым, умным и иметь множество других положительных качеств; для поляка же *niekulturalny* – равносильно анафеме.

Понимание межкультурной коммуникации как процесса взаимодействия культур привело к тому, что в большинстве работ по данной проблеме важнейшим становится изучение кросс-культуры, т.е. средств своей культуры, привлеченных для познания чужой. Таким способом формируются новые знания и о своей, и о чужой культурах.

В качестве цели обучения иностранному языку нужно признать готовность к межкультурному диалогу, к межкультурной коммуникации. Отсюда вытекает необходимость разработки новых технологий обучения.

За каждой личностью стоит культура – общечеловеческая, национальная, групповая, профессиональная, индивидуальная (неповторимая). Субъектом межкультурной коммуникации является языковая личность. В научной литературе существуют разные точки зрения на то, что происходит с личностью, изучающей иностранный язык. По мнению Ю.Е. Прохорова, речь следует вести об инолингвокультурной языковой личности, т.к. общение на иностранном языке – это всегда диалог разных культур. Есть лингводидакты и даже лингвисты, которые ведут речь о вторичной языковой личности как носителя языкового сознания, адекватно, хотя и аппроксиматично, отражающего языковую картину мира другого лингвокультурного сообщества (И.И. Халеева, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов). Возможно, следует говорить о коммуникативной личности как личности, вступающей в межкультурную коммуникацию. Она состоит из нескольких слоев: языковой личности как носителя кода языка, речевой личности, обеспечивающей эффективное вербальное общение, и самый абстрактный – коммуникативный уровень как эмоциональная оболочка, включающая вербальные и невербальные компоненты. Выделение этих уровней носит условный характер, т.к. на самом деле эти уровни взаимопроникают и теснейшим образом взаимосвязаны.

Когда ребенок овладевает родным языком, формирование его языковой личности начинается с коммуникативного уровня – общения на уровне эмоций, невербального характера, затем формируется речевая личность как постижение вербальных норм, а потом уже складываются языковые знания в определенную систему. При обучении иностранному языку процесс начинается с передачи языковых знаний, минуя эмоциональный фактор и совершенно игнорируя невербальный код. Это влечет за собой трудности вхождения в межкультурную коммуникацию. Думается, что при изучении иностранного языка имеет место феномен синергии, когда в процессе межкультурной коммуникации происходит столкновение двух разных культур, двух коллективных когнитивных пространств (термин В.В. Красных), а результатом этого становится не просто обогащение, а формирование третьего, нового, лингвокультурного пространства.

Коммуникативное (речевое) поведение – это часть национальной культуры. Обучение национальному культурному поведению – это важный компонент процесса обучения иностранному языку. Все существующие общества делятся на коллективистские и индивидуалистские, они отличаются системой ценностей и тем, как человек ведет себя в обществе. Исследователи выделяют более десятка отличий в них. Так, в индиви-

дуалистских культурах каждый должен заботиться о себе сам, сам нести за себя ответственность, человек здесь сам выбирает себе друзей и на каждом жизненном этапе – это новые друзья, он духовно независим, а цель человека такой культуры – самореализация. Для коллективистских культур, наоборот, большое значение имеет семья, ответственность за поступки делится между членами группы, а цель человека – достижение гармонии. Вот что пишет об этом великий славянский мыслитель и богослов Иустин Попович: „Базисный принцип психологии народа в том, что всякий человек несет в себе не только судьбу своей души, но и судьбу всего народа. Каждый отвечает за всех. В теле нашего народа наши души переплетены, как корни в земле, из которых растет единый ствол, единое дерево”³. Если славянские культуры коллективистские, то западноевропейские (в основном) индивидуалистские. Это нужно помнить при обучении языкам.

Таким образом, начиная с 70-х годов актуальными становятся проблемы диалога и взаимопонимания культур, т.е. межкультурная коммуникация, исходными понятиями которой будут не только „культура” и „речевая коммуникация”, но и „языковая личность”, „национальный характер” и др.

Так, языковая личность обнаруживает себя в национальном характере, существование которого у каждого народа на бытовом уровне не вызывает сомнений. Источником стереотипных представлений о национальном характере, по С.Г. Тер-Минасовой, являются: а) международные анекдоты; б) классическая художественная литература; в) фольклор. Однако, как мы убеждены, все перечисленные источники противоречат друг другу и потому не дают реального представления о национальном характере. Как правило, это анекдоты, в которых представители разных национальностей оценивают одну и ту же ситуацию и реагируют на нее по-разному в соответствии с национальными чертами характера. Например, показывают представителям разных национальностей фильм: *раскаленная пустыня и палящее солнце. С трудом идут мужчина и женщина. И вдруг мужчина достает сочный апельсин и отдает женщине. Вопрос: какой он национальности?*

Француз: „Только француз мог так галантно отнестись к даме!”. Русский: „Нет. Это русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел”. Еврей: „Нет, это еврей: кто бы мог еще достать в пустыне апельсин?”.

³ И. Попович, *Философские пропасти*, Москва 2004, с. 197.

В русских международных анекдотах англичане пунктуальны, немногословны, а немцы – практичны, дисциплинированы, организованы. Французы легкомысленны, гуляки, думают только о вине и женщинах, американцы богатые, самоуверенные, недостаточно интеллектуальные. Но это представители разных национальностей глазами русских. В их родных культурах могут быть совершенно иные представления об этих же национальностях. Так, Дж. Горер в своих работах *Исследуя английский характер* (1955), *Английский характер* (1975) отмечает, что англичане имеют уживчивый, уравновешенный характер, в быту избегают столкновений, проявляют взаимную предупредительность, сдержанность и терпимость, способны сохранять самообладание в споре.

Цель в их поведении не в том, чтобы выделиться, а в том, чтобы уподобиться: переступив впервые порог заведения, англичанин стремится сориентироваться на те правила, которые здесь существуют. Сложившиеся правила общения не допускают, чтобы человек выражал свои чувства прямо. Отсюда – их развитая чуткость к намекам, недомолвкам. Поэтому часто иностранцу беседа двух англичан кажется тривиальной, а на самом деле – это своеобразная игра подтекстами, которую иностранец не улавливает.

Они говорят тихим, приглушенным, как бы усталым голосом, словно каждый из них в одиночестве выражает свои мысли. Терпимость англичан – это не оправдание действий другого, а невмешательство в чужую частную жизнь. Вероятно, поэтому возник стереотип – „чопорные англичане”.

В их языке много выражений „от спорта”, которые приобретают вторичное значение. Например, проректор Оксфордского ун-та говорит, что его цель научить юношей играть прямой битой. Без знания спортивной лексики трудно понять полемику в парламенте и даже газетную речь. Осуждая какой-либо поступок, англичанин скажет: „Это не спортивно” или „Это не крикет”. Таким образом, спортивная этика ложится в основу общественной морали. Понятие „честной игры” стало важнейшим нравственным принципом, мерилom порядочности.

Некоторая туманность речи, небольшая ее дефектность – признак принадлежности к высшему классу. На взгляд лондонских снобов, абсолютно правильная речь неаристократична: человека могут принять за актера, диктора или иностранца.

В анекдотах, например, хорошо прослеживается характер как система отношений и способов поведения. *Немца, который хорошо работает*

в советском концлагере, спрашивают: „Почему ты так хорошо работаешь?“ – „Хочу остаться немцем“.

– Бабушка, а я русский или еврей?

– А что такое внучек?

– К нам в садик игрушки привезли, так я думаю, сломать или спрятать?

Еще один источник исследования национального характера, без чего невозможна оптимальная межкультурная коммуникация, по С. Тер-Минасовой, – художественная литература. Здесь следует подчеркнуть, что если взять национальных литературных героев, то поражает их контраст со стереотипными персонажами анекдотов. Так, легкомысленные французы на уровне классической литературы представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, Мопассана, решающими сложнейшие общечеловеческие проблемы. Чопорные и сдержанные англичане создали литературу Свифта, Бернарда Шоу, Диккенса, Шекспира (у которого на 5 трагедий приходится 22 комедии). Ни в одной культуре юмор не ценится так высоко. Грубые и практичные (с точки зрения русского) немцы дали миру нежнейшую поэзию Гете и Гейне.

Но даже внутри каждой из литератур существует значительный разброс характеров: по Достоевскому, например, русским присуща всемирная отзывчивость и поиски всечеловеческой правды, всечеловеческого примирения, а по Зоценко, русский мужик – придурак и пьяница. Его рассказы переводили на немецкий язык и вручали солдатам, воюющим на восточном фронте, потому что именно Зоценко поверили фашисты, не заметив там иронии. Результат известен.

Кроме того, с каждым новым витком истории меняется литературный национальный герой: Дж. Горер, например, исследуя английский национальный характер по материалам художественных текстов, заметил, что в английской литературе XIX века сплошное описание ярости, агрессии, ненависти, в то время как в русских романах этого времени описывалась неспешная жизнь помещиков с их обильными обедами⁴. Прямые выводы о свойствах характера народа на этом основании делать не следует.

Отсюда следует, что национальный характер – сложнейший сплав качеств, в котором недостатки есть лишь продолжение достоинств и наоборот. И он не может быть исследован по тем источникам, на которые указывает уважаемый профессор С. Тер-Минасова. Никакая философия или психология не может объяснить, почему „самый безгосударственный

⁴ J. Gorer, *Exploring English Character*, New York 1955.

народ создал самую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?»⁵.

Самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Он не только отображает, но и формирует характер своего носителя. Академик В.В. Виноградов одним из первых в мировой лингвистике обратился к изучению человека по данным языка⁶. Почти одновременно с ним Э. Бенвенист сказал: „Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка”⁷. Значительная часть лингвистических исследований последнего десятилетия связана с исследованием национального характера. На рубеже веков появились работы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А.И. Геляевой, М.П. Одинцовой и др., были созданы словари *Человек. Характер и поведение* (Москва 2003) и коллективные монографии.

Лучше всего культурно-национальная специфичность может быть показана через концепты. Концепты прагматически ориентированы, именно они являются ядром ЯКМ и запечатлевают в себе культурно-национальный опыт восприятия мира. Их сумма есть концептосфера языка, которая в значительной степени определяет культуру. Культура, по Степанову, - „совокупность концептов и отношений между ними”⁸.

Концепты выполняют роль каркасов, определяющих общие принципы построения наших представлений о мире. Рассмотрим это на примере. *Вежливость* – центральная коммуникативная категория, главная функция которой – обеспечение бесконфликтного общения. Это важнейшая категория коммуникативного сознания, именно она регулирует коммуникативное поведение людей. Знание национальных особенностей этой категории дает ключ к пониманию коммуникативного поведения народа, поэтому ее игнорирование затрудняет общение и порождает многочисленные стереотипы. Так, Дж. Лич пишет об общепринятом представлении о китайцах и японцах как об очень вежливых, по сравнению с европейцами, а о русских и поляках – как о невежливых народах⁹.

Будучи универсальным по сути, концепт »вежливость« является национально-типичным по своему наполнению, т.к. в нем находят

⁵ Н.А. Бердяев, *Судьба России*, Москва 2004, с.19.

⁶ В.В. Виноградов, *Из истории слов*, Москва 1994.

⁷ Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, Москва 1974, с. 15.

⁸ Ю.С. Степанов, *Константы русской культуры*, Москва 1997, с. 38.

⁹ G. Leech, *Principles of pragmatics*, London – New York 1983.

отражение культурные ценности, нормы и традиции своего народа. Универсальное в данном концепте – это проявления уважения к другому человеку. Как показал эксперимент, проведенный Т.В. Лариной и описанный в ее докторской диссертации, у англичан – это хорошие манеры, обходительность, частое употребление слов *спасибо* и *пожалуйста*, т.е. всяческая демонстрация уважения, направленная на объект. В русском языковом сознании *быть вежливым* означает прежде всего – быть чутким, внимательным, помогать другим¹⁰. Следовательно, вежливость в русской коммуникации ассоциируется в большей степени с активным, действенным вниманием, у англичан – с демонстративным, этикетным вниманием.

Наше изучение соответствующих статей в ассоциативных словарях позволяет заключить, что в русском языковом сознании и картине мира *вежливость* – антипод *грубости*: вежлив тот, кто не ругается матом, не кричит, не перечит старшим по возрасту и званию, т.е. тот, кто соблюдает правила приличия, правила этикета. В английском сознании вежливость связывается с этикетным вниманием: вежливый тот, кто демонстрирует свое уважение другим. Причем в английской вежливости больше традиции, автоматизма.

Анализ языковых фактов, фразеологизмов, пословиц, ассоциативных словарей показывает, что у категории вежливости этих народов разная направленность: у русских – это этикетное бездействие, у англичан – направленность на других, большая активность. Для русских вежливость – это соблюдение правил поведения, для англичан – демонстрация уважения, внимания к окружающим. Еще одно отличие: вежливость в русской культуре нужно исследовать только вместе с искренностью, ибо русские излишнюю, с их точки зрения, вежливость, связывают с проявлением неискренности. Главное в установлении этого концепта – сопоставительный анализ не семантики слов, а содержания именуемых этими словами отношений друг к другу, как они представлены в русской, английской и др. культурах.

В других культурах, в частности, в японской, корейской, вежливость столь значима, что в данных языках существует лексико-грамматическая категория вежливости. Их языки более ритуальны, вежливость у них ценится больше доходчивости. Функциональное поле вежливости в рус-

¹⁰ Т.В. Ларина, *Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах*, Москва 2003.

ском языке включает в себя специальные лексические средства, грамматические категории числа, лица, противопоставление ты- и Вы-форм, использование сослагательного наклонения и т.д. В других языках – иные средства репрезентации вежливости.

Таким образом, говорить о том, какой народ вежливее, не представляется корректным, потому что вежливость у разных народов понимается по-разному. В межкультурной коммуникации следует исходить из того, что каждый народ вежлив по-своему. А задачами межкультурной коммуникации становится установление „зон напряжения” при межкультурных контактах, предотвращение коммуникативных неудач, трансляция с языка на язык лингвокультурных концептов, ибо овладение лингвоконцептосферой иной культуры (культуры изучаемого языка) – это завершающий и самый важный этап в овладении иностранным языком.

Streszczenie

Funkcjonowanie języków europejskich w epoce globalizacji: komunikacja międzykulturowa

Procesy globalizacji formują i kierują wspólne działanie i rozwój języków europejskich we współczesnym świecie. Na pierwsze miejsce w świecie wysuwa się dzisiaj język angielski: on jest deklarowany jako język ojczysty prawie przez 400 mln ludzi mieszkających w USA, Wielkiej Brytanii, Kanadzie, Australii, Nowej Zelandii i innych krajach. Oprócz tego prawie 1,5 mld ludzi posługuje się angielskim jako językiem drugim albo trzecim. Jednak na terytorium Europy po dzień dzisiejszy pierwszą pozycję zachowuje język niemiecki.

We współczesnej lingwistyce rośnie zainteresowanie komunikacją międzykulturową, której cel stanowi eliminacja niepowodzeń komunikacyjnych i konfliktów w kontaktach międzykulturowych, translacja konceptów lingwokulturalnych z jednego do innego języka, ponieważ przyswojenie lingwokonceptosfery innej kultury (kultury języka studiowanego) - to kończący i najważniejszy etap przyswojenia języka obcego.

Summary

European languages in the era of globalization: cross-cultural communication

The processes of globalization form and direct interaction and development of European languages in the modern world. So, globalization takes out the English language into the first place in the world: about 400 mln people, living in the USA, Great Britain, Canada, Australia and New Zealand consider it their native language. Besides, about 1,5 mld people use English as their second and third language. But in Europe the German language takes the first place.

In modern linguistics a great interest is constantly increasing towards intercultural communication. The main tasks of which are the following: prevention of communicative failures and speech conflicts in the process of intercultural contacts, transmission from one language into another, linguo-cultural concept, because becoming proficient in the linguo-conceptual sphere (the culture of a studying language) is the final and the most important stage in mastering a foreign language.